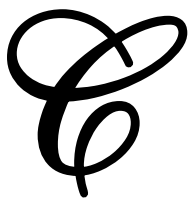

Часть VI

«СТИХИ МОИ,
свидетели живые...»

тихи мои пришли ко мне в далёком дошкольном детстве, как приходят музыка и песенка «на сон грядущий»... Пела иногда мама, чаще бабушка, чтобы скорей меня «усыпить», отправить в сладкую тишину покоя.

Наверное, это нежное, текучее слово, смысл которого в изначальном своём времени я не понимала, было просто ощущением защищённости и радости: мама рядом, бабушка со мной!

... Очевидно, стихи приходят в нашу жизнь из первоисточка – из колыбельной песни, из сказок, из ранних потешек... Их запоминаешь, не заучивая. У меня было два источника звучащей речи – «складной», как я говорила в детстве, повторяя бабушкино слово. Первый – это радио, которое появилось в нашем доме, как вспоминала мама, в середине 30-ых годов. Помню весёлые передачи для детей – каждый день, утром. И сейчас «звучат» у меня в памяти голоса С. Маршака, А. Барто, конечно, неподражаемого Корнея Чуковского!.. А Рина Зелёная – это целый театр!.. Что-то запоминалось, иногда даже фразы, которые мы повторяли, переиначивали по-своему – дома все смеялись!..

Читать я стала довольно бойко уже на пятом году, знала немало стихотворений наизусть, иногда даже надоедала своими «декламациями» и приставаниями, чтобы меня слушали!

... Книги стали вторым источником, который оказался моим поэтическим родником на всю жизнь. «Сочинять» я стала, как и рисовать, – это шло радом – ещё в довоенном детстве. Потом всё продолжилось в школьной жизни. Конец послевоенных 40-х мирных лет, очень трудных во всём семейном, почему-то притягивал к «сочинительству». Может быть, само ощущение **мира** рождало в душе какие-то новые биотоки?..

Много писала в институте: наше литературное отделение – с кружками, студенческим театром – отправляло к чуду «сочинительства». На нашем историко-филологическом факультете было немало пишущих, многие из них ушли в литературу, став писателями, поэтами, издателями, журналистами: родное Слово звало нас к себе!

Начало преподавательской работы в **педагогическом** учебном заведении позволило мне вспомнить мои юные увлечения поэзией, хотя «прозы» учительской жизни немало: подготовка к занятиям, шесть часов в аудитории, вечерние

консультации по педагогической практике, сама практика в начальной школе – это были каждодневные будни преподавателя русского языка и литературы (в том числе – детской!) и частных методик. Этот возврат в детский мир и стал катализатором! Я опять начала писать «стихи»: мимолётные поэтические «зарисовки» для уроков практикантов, для сценариев школьных праздников, для учительской стенгазеты, различные поздравления и другое, чего требовала интересная преподавательская жизнь.

Более серьёзное поэтическое слово пришло ко мне, пожалуй, лет 30 назад. Может быть, душа моя вызрела?! За долгие годы много было такого, что я сейчас с осторожностью (и смущением!) позволю себе назвать «стихами». Что-то уже было опубликовано в моих книгах, и в эту, последнюю, я решила выбрать десятка три стихотворений, поэтических «зарисовок», так, наверное, ближе к истине. В них живёт «опоэтизированное» Время и то, что я любила и помню...

Первый мой Герой – это сам Торжок. Я часто водила гостей города – как экскурсовод и коренная новоторка – по его улочкам. Туристы любили наш удивительный городок – один из живописнейших в Верхневолжье. Лет 40-30 назад он был ещё чистым, уютным, с чётко обозначенными экскурсионными маршрутами и «смотровыми» площадками... О городе хотелось говорить стихами.

Но в моей жизни были и удивительные гости, которые **мне**, новоторке, *показывали Торжок!* Художники, архитекторы, поэты, писатели, историки... Их око было свободно от нашего родного «местного патриотизма»! Они влюблялись в очаровательные живописные просторы древнего города, в его удивительную историю и в нашу добрую, искреннюю привязанность к родным местам – к нашим истокам. И тогда среди моих стихов появились строки, открывавшие прелесть сердечных волнений наших гостей, дорогих моему сердцу. Поэтические строки становились живой Памятью...

«Вложу в былое...»

Всё было – до, всё будет – после.

Всему во всём своя пора.

*А Человек, как искра, послан
Надеждой в Завтра из Вчера...*

М. Дудин

Всё моё Былое – давнее, воспоминания изначальной поры взросления, время, которое не имеет чётких границ... Там, на рубеже 40-х и 50-х годов XXвека, вплоть до 60-х, всё было родное, главное. Оно и сейчас во мне: родная кровь, как говорят, «гены», и воздух родного дома.

Лет 60 назад слова «гены» у нас в обиходе не было. Но было другое, пустившее корни в мою душу. Семья была крепка узами общего дела – всё сосредотачивалось вокруг родового, потомственного ремесла. Все Кашковы, кого я знала, были **колесниками**. Сейчас о таком ремесле не упоминают. Хотя кто-то ещё ездит на лошади – значит, где-то делают колёса, и телеги, и дровни? Велика матушка Россия, огромны её просторы – без лошади пока не обойтись!

Дед, Кашков Александр Иванович, часто говорил: «Хочешь достигать – не сиди на месте – поезжай, смотри, учись!» У него было житейское правило: «Главное, чтоб колесо крутилось! Не крутится – не поедешь!»

Уже став преподавателем родного языка, я начала вдумываться в дедову житейскую установку. Откуда же пошло это живое словечко – «колесо»? Заглянула в этимологический словарь: «**коло**» - колесо. Есть во всех славянских языках и диалектах. Оказывается, все слова, связанные с латинским «*colus*», имеют значение «крутиться по оси». Дед мой не знал этимологии, но в нём жило вековое, достигнутое опытом: имей в жизни ось – осознанную цель своего бытия! Сыновей и внуков он оценивал по-своему, по-рабочему: «Этот крутится – **едет**! Будет толк...» Или другое: «Нет, у Ванятки не крутится – без оси и колеса хотелось ему жить – вот и не выходит!»

Я в детстве не понимала, о чём говорит дед, но догадывалась, что о чём-то важном, потому что все его слушались!

В нашем доме на Ржевской улице с утра до вечера всё «крутилось»! Уходили, приходили, много говорили за столом, особенно вечером... Все что-то обсуждали! Бабушка иногда

сердилась: «Да когда вы про свою мастерскую бросите говорить?» Я знала, что бабушке можно было «встревать» в мужские разговоры за столом!..

Но шли годы... Набирались опыта сыновья, выросли внуки. Время уводило от меня тех, кто был нашим **миром**, тёплым, родным...

Первым ушёл папа: в марте 1941 года его призвали в армию. Он был сапёром. Надо было продолжать работу по укреплению западных границ.

... Папа уже не вернулся в родной дом. Потом не стало бабушки Анны. Дед был долгожителем: он скончался осенью 1965 года. Одна я осталась 1 декабря 1971 года... Мама не лежала ни одного дня. Это был для меня страшный удар: гипертонический криз, укол магнезии – и болевой шок!.. Я успела прибежать из училища... У дома – машина «Скорой помощи», врач и медсестра, соседи... Мама успела мне прошептать: «Зачем же ты уроки бросила? Я сейчас встану...» И всё... А шёл маме только 64-ый год.

Моя жизнь с того декабрьского страшного дня потеряла главное, наше родное, семейное. Ничего больше «не крутилось» рядом со мной – не дышало родным теплом, не было близкого света, озарявшего мой мир и светившего, как доброе солнце.

Но была любимая работа, дорогие для меня друзья, близкие и любимые... Путешествия по миру, часто далёкие и очень интересные, много встреч и расставаний, без чего, наверное, немыслим ход естественного времени...

И, конечно, книги, ставшие продолжением моего, **родного**, в котором оживало Время, слышались знакомые голоса. Они звучали порой так отчётливо, что я оглядывалась и долго не могла успокоиться. Звуковая Память – великий долгожитель!

Были ещё *стихи*... Они у меня «бездомные» - книгу из них не решалась сделать. Но иногда я перечитывала кое-что из того, что осторожно называю «стихами»... Они помогают мне видеть и слышать былое и прежде всего – маму, Ольгу Константиновну, Лёлечку, как звал её папа и те, кто работал с ней рядом в давнюю довоенную пору, когда меня ещё **не было**...

И вот я мысленно на берегу реки моей жизни – у самого её сознательного «истока», рядом с самым дорогим... В живых воспоминаниях, согревающих душу и терзающих болью ранних утрат. Они рядом – как два слагаемых нашего бытия... Ещё

виден нам не исчезающий на ветрах Истории «дым отечества»!..

В День Победы

*Светлой памяти моей мамы и моего папы,
Ольги Константиновны и Фёдора Александровича Каишковых.*

Бежали все на Площадь, торопясь,
в толпе друг к другу тесно прижимались,
как будто потерять боялись
за дни войны осознанную связь.

День был весенний, с первою травой
и солнцем, торжествующим и ясным,
и потому вдвойне прекрасным:
ведь Мир сиял над нашею страной!

Гремели над толпой слова речей,
играла музыка торжественные марши...
Потом молчали, вспоминая павших
по воле одичавших палачей...

Домой я мчалась даже в гору вскачь –
со мной был праздник отвоёванного мира!..
Но почему так сумрачна квартира
и слышен скорбный, приглушённый плач?

Обидел кто-то маму? Иль она больна?
Сказали ей неласковое слово?
Сняла я молча скудные обновы,
в недоуменье села у окна.

Мне б подойти, утешить и обнять,
но я чего-то, глупая, боялась...

А может быть, нужна была лишь малость:
мне в то мгновенье взрослою вдруг стать?

... Как горько мне теперь, что не смогла понять,
Ведь плачет мать отчаянно и больно
Лишь оттого, что **некого** нам ждать
В тот день, когда окончились все войны...

9 мая 1985 года

***Памяти моей мамы в День её столетия.
24 июля 2007 года***

Благоговейно, непредвзято
вхожу в былое, как во сне,
где жизнь от утра до заката
привычна милой старине.

С утра нехитрые заботы:
зажечь огонь, затеплить печь,
наладить чайник – он по нотам
уютную заводит речь.

Потом дела, соседей лица –
домашний быт из мелочей...
Скрипят привычно половицы,
да звякнет связка из ключей.

А в полдень, в этот час урочный,
приходит с ношей почтальон:
газеты – и ни строчки срочной!
Ну, что же он, твой вещий сон?

- Вам пишут!.. Как привычно это,
утешно слажено давно...
Слова без мысли, без ответа,
в них все равны и всё равно...

Так мать жила в домашнем мире,
несуетливо, день за днём...
Так я живу в моей квартире –

одна... Но до конца вдвоём!

«Над вечным памяти костром...»

Сбегают улочки к реке,
торопятся с горы скатиться
в уездном городе Торжке –
моей столице...

Здесь тишиною дышит вал,
в забвенье дремлет городище.
Между веками интервал
глаз суетливый не отыщет.

Постой, прохожий, не спеши!
Ты посмотри, какие дали –
ведь это праздник для души.
И лучше ты найдёшь едва ли.

Танцуют в небе голубом,
прячт сверкающие птицы...
Над вечным памяти костром
пух тополиный чуть дымится.

Он тает где-то за рекой,
где гром по-юному резвится,
а эхо пушкинской строкой
к нам успевает возвратиться!..

Май– июнь 1997 года

* * *

Пахнут мёдом, золотым и пряным,
скрытые от шумной суеты,

словно деревенские поляны,
острова нездешней красоты...

Не топчи их, обойди сторонкой –
ведь у них такой недолгий век,
покажи их своему ребёнку:
пусть растёт влюблённым человек!

В тишину влюблённым и в рассветы,
в солнечное это торжество,
ищет счастье не за морем где-то
и не в деньгах видит божество.

Пусть он помнит соловья ночного
среди дорог неласковых, чужих,
трепет теней, лёгких и сквозных,
на тропинках города родного.

А придёт суровая минута –
вспомнит он на перекрестке лет,
что горит ветрами не задутый
материнский негасимый свет...

По тропинке к милому порогу
он придёт, усталым и седым,
поклониться Матери – как Богу! –
поклониться стенам дорогим.

3 июня 1999 года

«Ступени звук хранят шагов...»

Смотри: отточие веков!
Быльём тропинки зарастают...

Ручей, как ниточка, петляет,
храня слезинки облаков.

Улыбка старого Торжка
в морщинах улиц чуть лучится,
и память в прошлое стучится,
глядится в воды с бережка.

Ступени звук хранят шагов,
вздываясь, охают натужно,
страшась метели злой и вьюжной,
что замечает след веков...

Пройди по тропке в добрый час,
притихни – и услышишь снова
литое пушкинское Слово,
благословенное для нас...

*Июнь 1999 года. Дни двукосметия
со дня рождения Александра Сергеевича
Пушкина*

Встреча с родиной

Голубиная стынь облаков
чётким абрисом врезана в небо –
обиталище тихих богов,
то ли былъ, то ль забытая небыль...

Под горою родник гомонит,
извергая студёные воды,
и тропа, задыхаясь, бежит
через дымкой повитые годы.

Есть ли след мой на зыбком песке?
Жив ли дуб, что мы с мамой сажали?..
Всё на тонком висит волоске,
стало пусто на старом причале.

Наши лодки уплыли в туман,
паруса бьются пойманной птицей...
Память, падкая на обман,
свои маски надела на лица.

Вот старушка, поправив платок,
всё глядит, как сквозь щели в забрале.
Боже! Воздуха дай мне глоток!
Это Зина... мы вместе играли...

Март, 1989 года

«Ты мне показывал Торжок...»

Ты мне показывал Торжок...
А лето в мантии искристой
плело нехитрый свой венок
из первоцветов золотистых.
И нежной теплотой души
согреть хотелось мир убогий,
где зарастают муравой
когда-то торные дороги.
Тропинки верных ждут шагов
к порогу храма векового
под сенью лёгких облаков
в просторах неба голубого...
Ты мне показывал Торжок...
Я думала, что знала тайны
укромных, тихих уголков,
могла найти за бывшей чайной
следы заметные шагов
моих друзей, давно ушедших
в другие веси и края,
забывших в жизни быстротечной,
что ждёт родимая земля.
И я забыла те тропинки,
где в детстве бегала босой...
Душа моя, простолюдинка,
сегодня выпала росой
слёз светлых и чуть-чуть стыдливых,
пришедших в неурочный день...
Прости меня, родная сень,
прости за долгий-долгий срок
разлуки приглушённо-странной!..
Ты мне показывал Торжок -
любимый Дом, мне Богом данный...

3 июня 1999 года.

Митинская элегия

Я обживаю временный приют...
Вокруг меня всё розовое длится,
а я - как в клетке золочёной птица,
которой зёрен и воды дают.

В окно глядит спокойная река.
Туманный лес здесь тишиною дышит...
Вдали деревни островерхи крыши,
и неба ширь прозрачна и легка.

Наступит час - и я оставлю Дом,
забуду дней покойное течение,
моё с свободой сладкой обручение,
как неподписанный до эпилога том...

Но вдруг однажды память загудит,
как колокол церковный перед Пасхой,
и миг счастливый голубиной сказкой
откликнется трезвучием в груди.

13 апреля 1998 года.

Санаторий «Митино».

«Счастье милое, не бойся!»

Царство снега, царство света...
В шубку белую одета,
липка юная в снегу -
на свиданье к ней иду.

Осторожно, шаг за шагом -
быть бы на минуту магом!
Пробираюсь меж ветвей
в мир весёлых снегирей.

Чик-чирик! И стайки нет!
Прилетали на обед!
В красных шёлковых жилетах
поклевать остаток лета!..

Тишина звенит в ушах.
Снег сверкает на висках,
нежной капелькой стекает,
на щеках румянец тает.

... Счастье милое, не бойся!
У тебя такое свойство:
чуть спугнёшь - и ты в пути,
за тобой опять идти,
догонять, аукать, звать -
да уж где тебя догнать!..

Снег пушистый в царстве света,
не дожить тебе до лета!
Пробираюсь меж ветвей
в мир весёлых снегирей!..

1 января 2000 года

«Подруга жизнь»

Теперь уже не знаю, кто это сказал... Но как верно! Никого так не любишь, как Жизнь, ни с кем так близко не сходишься – не срастаешься, как самой Жизнью. Всё ей прощаешь, считаешь её пульс...

Иногда сердишься: «Ну и жизнь пошла!» А потом слышишь, как кто-то с такой надеждой прошепчет: «Эх, пожить бы ещё!»

... Без многого можно прожить на белом свете, но только не без друзей: я с ними рядом с тех пор, когда мы вместе бездумно, весело «играли»!.. Взрослые «игры» полны другого. Что же это **другое**? Доверие, взаимопонимание, стремление помочь, общие творческие устремления, профессиональные интересы и тёплое, нежное, искреннее, согревающее душу. И удивительное, природное, данное Богом умение терпеливо выслушать, когда приходит час раздумий и разных хворей, терзающих не только тело, но и душу... Вот сколько слагаемых, бесценных качеств у друзей!

Когда жизнь начинает «идти под гору», особенно чувствуешь тепло дружеских связей. Как хорошо видеть родные лица, слышать голоса друзей и подруг, принимать их пожелания и советы, знать, что в самый трудный час сможешь опереться на надёжную руку, пусть и не очень крепкую: ко времени «зрелости» (а мы все почти ровесники!) нам изменяет плоть, но не дух!

Телефонные звонки, долгие разговоры заменяют теперь письма: эпистолярный жанр стал анахронизмом... Но моя рука тянется к бумаге – и тогда возникают стихотворения, чаще всего посвящённые памятным датам. Я выбрала несколько посвящений, в которых оживают не только события, но и состояние моей души, возникает поток мыслей и чувствований, оставшихся жить в слове.

Друзья мои, милые, родные Подруги! Я люблю вас! Без вас моя жизнь была бы пустыней... Ощущение дружества – это та светлая радость, которая помогает жить человеком, а не просто существом.

... С годами что-то меняется в нас: мы меньше говорим ласковых слов, но чаще помогаем друг другу твёрдостью разумных решений. Это и есть наша мудрая Жизнь, пришедшая

к нам во времена интересных открытий, итогов и особой радости от наших **встреч!** Жду **Вас, дорогие,** - к чаю!!

*Моей любимой подруге Лидии Павловне
Толокновой в день её 75-летия.*

Как рано снег обнял нагую землю,
белым-бело на свете голубом.
И тишине листок последний внемлет –
автограф летний, вписанный в альбом.

Листы альбома – месяцы земли,
кормящей нас насущным тёплым хлебом,
дни нашей жизни – солнца корабли
под парусами, сотканными небом...

Молюсь любому, данному судьбой,
зимой ли выюжной иль палящим летом.
Мне б только знать, что нет беды с тобой,
что тьма крошечная прольётся нежным светом.

И снежный плат – всего лишь добрый свет,
манящий белизной и откровением...
Я вижу твой, летящий в мире след –
куда-то в сторону от боли и сомнения...

*Послесловие: теперь эти строки
дорогая моя Лида не сможет уже прочитать:
идёт четвёртый год, как её уже нет со мной..*

***Марии Петровне Терентьевой, моей подруге
Машеньке, другу, наставнице и спасительнице во всех
моих многолетних бедах, волнениях и хворях – и наших
общих радостях и испытаниях судьбы.***

23 февраля 1995 года.

Зимние дни на коротком излёте...
Сядем с тобой под зелёной сосной.
Слышишь, журчит голосок золотой –
Это вода в неумолчной работе.

Ты посмотри: не скудеет родник!
Светлые воды другим отдавая,
бьётся толчками, вверх извергая,
влагу, чтоб путник к ней жадно приник...

Жизнь как родник: днём и ночью в работе,
нет ни минуты ведь роздыха нам;
с каждым мгновеньем счёт множим годам
в лечащей, доброй заботе...

Счастье какое – ходить по земле,
слышать весной соловьиные трели,
жар раздувать, где почти уж не тлели
светлые искры в пожухлой траве...

Радуйся, милая, что мы живём,
запахи нежные тихо вдыхая, -
может быть, где-то, под сеньями рая,
Ангелы белым взмахнули крылом.

И подарили нам веру святую
на исцеленье уставшей души...
Ты улыбнись, подожди, не спеши –
я тебя нежно сегодня целую!..

*Валентине Ивановне Лепёхиной,
моей ученице, давнему Другу,
в день рождения.*

Дом Бога – светлая душа,
не иссушенная гордыней,
хранящая свои святыни
с улыбкой ясной малыша...

Её не всякий разглядит,
в житейской схватке не заметит:
она на злобу не ответит
тем, кто коварством знаменит.

К ней постучи – откроет дверь,
тревожным взглядом не измерит
и в доброту твою поверит,
как будто не было потерь...

И от неё в рассветный час,
когда росой омыты очи,
прочь улетают тени ночи,
неодолимые для нас...

Март 1998 года

*Дорогой Татьяне Ивановне,
Танечке Рыбкиной, доброму и милому человеку,
в День её пятидесятилетия.*

Иглистый иней кружева
плетёт на ветках тополиных,
берёзки в белых кринолинах
роняют нежные слова...

Зима свой первый правит бал,
ларцы заветные открыла,
гостей желанных пригласила
в двухсветный танцевальный зал.

В Ваш светлый день и добрый час
вино игристое искрится –
и перевёрнута страница
в который раз, в который раз!..

А скрипка скоро величание
светло и нежно пропоёт...
Неслышно первый снег идёт –
струится музыка молчанья...

Ноябрь 2002 года

*Дорогой Татьяне Александровне,
истинно русской женщине – матери,
очаровательно-прелестной (и деловой!)
в юбилейный День рождения.*

Благодарю богов, царевна,
за милость неба, ясность вод,
за то, что **дело** ежедневно
вершит вокруг Вас наш оборот!

Смотрю – а Вам как будто двадцать!
Как губки алые свежи –
умеют дивно улыбаться,
храня таинственность души!..

Вас ожидает за порогом родные, детки,
милый кров...
И к мамочке зовёт дорога,
где греет нежность и любовь!

Постскриптум:

Пусть будут добрые «сюрпризы»!
Без них – тоска и тишина,
как водевиль без той репризы,
что будит зрителей от сна!

3 мая 2003 года.

Наш родной и любимый Тержок

«Мечтатель, путешественник, счастливцу...»

Так лет десять назад я написала о Валерии Писигине. Но в этих словах, бывших сущей правдой, всё-таки не всё было сказано о том, чем притягателен писатель и почему я считаю его счастливым...

Он появился в моей жизни (и в жизни Торжка!) осенью 1996 года. Об этом я вспоминала в книгах «Берега нашей памяти» и «Утешен буду я любовью».

... Дружба с Валерием Писигиным похожа на восхождение к вершине горы – до **пика** ещё далеко!.. Однажды я прочитала у поэта

Д. Ковалёва: «А что мы знаем сами о себе? Самих себя мы от себя скрываем...» Пожалуй, только поэты могут быть так вопрошающе-утвердительно, открыты в своих поисках сути бытования, проникновения в глубины души...

Валерий Фридрихович и я – по справедливому счёту! – всё-таки прозаики, но в самой сокровенной сути, может быть, и поэты-мечтатели.

Читая книги В. Писигина, я открывала новые грани его таланта. Он привлекает искренней радостью от того, что видит мир на путях постижения красоты человеческих отношений, достижения творческих целей, когда бывают неизбежны и разочарования, и неожиданные трудности. Писатель ищет гармонию Слова и Дела, которые всегда даются нелегко... Его герои умеют жить разумно, увлечённо, не боясь трудностей, почти неизбежных, если хочешь достичь доброго, светлого и человеческого. Строители, добытчики полезных ископаемых, писатели, поэты, артисты, музыканты, учителя, библиотекари, музейщики, историки, политики, общественные деятели – и просто честные добрые люди! – они становились друзьями Валерия Писигина... И как-то естественно входили и в мою жизнь – даже на расстоянии.

У Валерия Фридриховича небесный дар быть Другом. Дружить с ним – великая радость и **испытание**, открытие самого себя, своих новых устремлений и ощущение стимула к творческой работе. В книгах писателя есть то, что видишь впервые. И не только «далёкое» – от Чукотки до южных штатов Америки, это действительно, открываешь, в это новое вглядываешься, вслушиваешься – и начинаешь **жить** в незнакомом пространстве рядом с теми, с кем знакомишься как читатель удивительных книг – путешествий к родникам человеческих талантов, с их радостью, тревогой, надеждой и любовью. И удивляешься способности писателя открывать талант во многих его друзьях и знакомых!.. Но ведь и то, что я исходила, изъездила десятки раз, например, Московско-Петербургский тракт, сам Петербург, Псков, Михайловское, Тригорское, – всё видишь с автором по-другому, находишь

сокровенное, неброское, но привлекательное и на пушкинских тропах, и в придорожных деревеньках, и в малых городках Тверской земли – и в том огромном мире, который обживает Валерий Писигин... И вот я уже слышу в телефонной трубке голоса Георгия Василевича – директора Государственного музея-заповедника «Михайловское»; Валентина Курбатова – литературного критика, замечательного писателя; Вадима Туманова – личности не только известной по его профессиональной деятельности золотодобытчика, но удивительного по его судьбе и таланту жить; Григория Явлинского – политика, известного государственного и общественного деятеля, публициста; Ширли Коллинз – знаменитой английской певицы, исполнительницы народных песен, исследовательницы фольклорной музыки... Михайловское, Псков, Москва, Англия, Америка приближаются ко мне, друзья В. Ф. Писигина становятся мне близкими по духу. Так возникает братство людей, соединённых узами творческого созидания, искренней доброты, внимания и интереса к разумной жизни...

И ещё одну страну открыл для меня (и для многих!) Валерий Писигин – Страну народной музыки и тех, кто её изучает, спасает, отправляет в мир современной жизни – «через годы и расстояния»! Вышло уже шесть томов его серьёзных, увлекательных исследований, которые автор называет «Очерками об англо-американской музыке 50-60-х годов XX века»... 60-е года – это время детства писателя – исследователя, он вживается в это временное пространство и видит **предысторию** своего творческого притяжения. Жанр очерков настолько расширен, обласкан его словом, что теперь, наверное, его можно назвать как-то по-другому. Это многоплановое исследование, взволнованное, образное повествование – рассказ о жизни тех, кого судьба и талант, исследовательский интерес приводили к **истории** жизни народов, к заинтересованному изучению самого языка многоголосого фольклора, гармонии слова и мелодии, в которых воплощалась жизнь носителей национальных культур.

... Книги В. Писигина делятся на главы, это, наверное, и делает их в архитектонике родственными. Но каждая глава имеет одухотворённый стержень – увлекательный рассказ об одном исполнителе или одной творческой группе тех, кто не только исполняет народные песни в их словесно-музыкальной основе, но и собирает, изучает, доносит до слушателей,

полюбив, создаёт портрет Времени, в котором рождалась песня, перекрещивались человеческие судьбы.

Музыка, слово, их носители без любви не живут... Поэтому в книгах В. Писигина верной, животворной силой искусства и человеческого бытия всегда становится любовь. Всё остальное – это обогащение и испытание духа, цельности натуры, её гражданского стержня и мужества.

Читая книги Валерия Писигина, я мысленно путешествую, открывая для себя новые континенты и необъятный мир народного творчества, познаю историю многонациональной народной жизни. И ещё я открываю новые грани таланта, Души писателя, его созидательной натуры, помогающей автору находить притягательное, редкое в его героях... Валерий Фридрихович ничего не прощает себе, если усомнился хоть в капле того, что сделал. Не часто встречаешь это в современной жизни.

... Наши встречи не очень часты. Но где бы ни был писатель - путешественник и его милая и очень талантливая жена Светлана, они звонят... Говорим долго, неторопливо, и мне кажется, что в этот миг чувствуем, **что** и **как** пишем, чему радуемся, о чём тревожимся.

«Эхом» нашего общения иногда становятся стихотворные строки, в которых раскрывается суть моего давнего слова – определения **«счастливца»** - человек, познавший счастье в творческом созидании, в гармонии с окружающим миром, который Валерий Фридрихович умеет создавать вокруг себя, это тоже талант, данный ему Небом...

Я выбираю несколько стихотворений, чтоб нарисовать портрет писателя, прошедшего школу многоликой и многоголосой жизни. Я располагаю их в хронологическом порядке и приглашаю читателей поверить в искренность звучания строк (иногда с улыбкой!) и вместе со мной услышать голос Времени общения, которое дарил нам Валерий Писигин, возвращаясь в те края, где помнят его и ждут новых книг.

Перенеситесь мысленно, дорогие читатели, в наш Торжок, на берега Тверцы, которая несёт свои воды в матушку – Волгу, где Валерий Писигин встречался десятки раз со своими читателями, откуда совершал путешествия по древней Тверской земле...

В машине Времени

В. Ф. Писигину

Неслышно шинами шурша,
чтоб нежность не спугнуть лесную,
скользит почти наудалую
машина – верная душа...

Она с хозяином дружна:
исполнит каждое желанье,
не возразит на приказанье,
когда покорность так нужна.

И музыкой одарит слух,
призывной, ласково-туманной,
словно реченье первозданной
Природы, что лелеет Дух.

Средь тёмных рощ, аллей сосновых,
под шёпот робкий ручейка
ведёт уверенно рука
«ковчег» - оплот первоосновы.

В нём и уютно, и легко,
живёшь минуту, словно дома,
как будто всё тебе знакомо –
и дышишь грудью глубоко...

7 июня 1997 года

Митино – Прутня.

Пушкинский День России в Торжке.

Мост на расстоянии

В. Писигину в день сорокалетия

Не сморите с трепетом назад –
дальнозоркость Ваша наступила:
совмещение опыта и пыла,
обращённый в будущее взгляд.

Порох израсходован не весь...
Суть заряда именно в контрасте:
сочетание опыта и страсти –
это очень взрывчатая смесь!

И не верьте: это всё враньё,
что душа безмолвствует, пресытась!
Поживите, радуясь, с моё –
всё не так – Вы в этом убедитесь...

Пусть бокал наполненный звенит,
и вино искрится, как улыбка!
Ваше солнце перешло в зенит –
и ещё на воле чудо-рыбка!

21 сентября 1997 года.

Послание из Торжка в Москву

**В. Писигину торжокский этюд
к будущему портрету.**

Немножко позы: видно, от смущенья,
замедленные тихие слова,
стремление скрыть нежданное волнение –
и над смущеньем обрести права.

... Проходит миг – и всё уже иное:
чистосердечье, точность, глубина.
Он не один – их двое, трое –
и каждому своя стезя дана...

Один – писатель, тот – во всём политик,
романтик третий с головы до пят,
четвёртый трезвый, мудрый аналитик –
и все его словами говорят...

Разбужен зал, рой реплик и вопросов,
улыбок свет, рукоплесканий шквал,
а он стоит на палубе матросом,
принявшим на себя девятый вал.

Солёных брызг приятная прохлада,
и колыбелью кажется прибой...
Слетает начисто столичная бравада –
он здесь как дома, он сегодня – свой!

24 сентября 1998 года

Встреча в Центральной библиотеке Торжка

Валерию Тисигину

Стеной встаёт весёлый летний лес,
бежит река в тумане серебристом.
Душа зовёт за дальний окоём
испить наш воздух, вкусный, чистый...

Здесь можно погостить всего денёк -
и в дальний путь за давнею мечтою:
твой час по капелькам истёк,
подаренный желанному покою.

Свою судьбу по-своему кроя,
мечтатель, путешественник, счастливец,
ты погоняешь верного «коня»,
в догадках искушённый прозорливец.

И каждый день приоткрываешь мир,
строкой живёт на книжных он страницах,
где разума великолепный пир
в картинках правды хочет проявиться...

Листай неспешно жизни фолиант,
ходи по трудным жизненным тропинкам:
ведь в этой книге каждая «картинка»
волнует мыслью щедрый твой талант.

Август 1999 года.

После повторного чтения книги Валерия Тисигина

«Две дороги».

*Валерию Фридриховичу Писигину после
получения четвёртого тома книги «Очерки об
англо-американской музыке 50-60-х годов XX века»
с посвящением мне.*

*С благодарностью В. Кашкова.
Лето 2006 года. Торжок*

Уснула музыка твоя,
свершив своё дневное дело:
всё отыграла и пропела,
чего ждала душа моя...

И в тишине ночных теней,
в безмолвии земли и неба
смешались тихо быль и небыль -
как отзвук промелькнувших дней.

Покой спустился с поднебесья,
дневные мысли усмирив, -
затихший, трепетный мотив
вдруг ожил в полусонной песне...

В ней дышат Небо и Земля
целебной нежностью созвучий...
Смычок, бесстрашный и летучий,
играет только для меня...

И ДЫШИТ РАДОСТЬЮ ЗЕМЛЯ...

Моим друзьям

Когда уйдут от всех
в таинственные дали,
свершив свои дела,
отдав свои долги,
когда исполню всё,
что боги завещали,
кто вспомнит мой полёт,
тепло моей руки?

Когда остынет день,
придёт ночная выюга,
глухой чертополох
ступени обовьёт,
когда иссохнет зелень
заливного луга,
кто вспомнит мой полёт?..

Когда звезда моя
погаснет в день печали
и дальний тихий свет
обнимет небеса,
тогда мне песнь споют
на временном причале
и с именем моим поднимут паруса!

И поплывёт ладья
в морях и океанах -
душа вернётся к вам,
любимые друзья...
И в голубой дали,
и в розовых туманах
войду опять я в **жизнь**,
волнуясь и любя!..

Июнь 2008

День семидесятилетия.

Время Пушкина

*Всему пора, всему свой срок...
А. Пушкин*

Говорят, что каждый человек имеет **своё** время, к которому он обращается чаще всего в своих раздумьях, вглядываясь в Минувшее.

Не знаю почему, но моё Время - это первая половина XIX века. Этот период притягивает меня, удивляет и учит. Может быть, в моей душе «живут» какие-то предки со своими генами, своими свойствами? Ведь все мы **не** безродные...

Это было время **удивления!** Россия входила в XIX век с талантливыми людьми, оставившими след во всех сферах человеческого бытия.

Архитекторы, учёные, путешественники, военачальники, художники, композиторы, поэты, писатели, философы, историки, общественные деятели... Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Г. Р. Державин, П. Я. Чаадаев, М. И. Глинка, О. Кипренский, В. Тропинин, К. П. Брюллов, Н. Гоголь... Какие имена - перечень их можно продолжать! А **время** до сих пор называют Пушкинским... Почему? Может быть, век воплотил в Слове, Мысли, Деяниях Пушкина все науки, искусства, полёт общественной мысли?..

В моей учительской жизни (и в обыкновенной, человеческой!) личность великого Поэта - это фокус, в котором стягиваются, высвечиваются все лучшие представления о необыкновенном таланте - творческом **явлении**...

Его учили как и других. И дома, и в Лицее, где были весьма одарённые сверстники! Он вышел из Лицея в ту же жизнь, как и они, во многом с теми же представлениями о чести, достоинстве, верности в дружбе, в отношениях к Отечеству. Правда, не все соученики были его друзьями. Вот этот судьбоносный выбор был словно послан ему Небом... Юноше Пушкину было дано взрослеть не по годам, а по мгновениям - эти мгновения как будто являлись великой тайной, открытой ему... Взросление вершилось через творческий труд, восторг от овладения Словом, через свет Дружбы с теми, кто шёл путями Чести, Долга, Совести, поиска Правды - во всём! Шёл к общечеловеческому - мировому,

высокому, требовательному и притягательному, жертвенному... Юные «забавы» исчезли быстро!

... Начало XIX века ещё привычно для многих тянуло за собой убеждение, которое не только высказывали вслух, но порой ворчливо излагали на бумаге, что «писать, да ещё стихи!» (в России!) - просто заниматься «ничегонеделаньем». Эту «забаву» дворянских недорослей было дано Пушкину возвести в ранг великого искусства. И дело было не только в его совершенной гармонии Мысли, Слова и поэтического ритма, что было для многих в суждениях о поэзии самым главным. У Александра Пушкина была и другая, высшая Гармония: поэт должен искать гармонию с **миром**, с теми достижениями человеческого духа и разума, которые помогут читателю заглянуть в свой внутренний мир, начать поиск лучшего, осмысленного, преобразующего Жизнь...

Если поэт останется **один**, вообразит, что возвысился над всеми и всем, гармония покинет его. В этом убеждении Пушкин нашёл главную опору, часто удивлявшую современников.

Однажды он написал: «Тихо кладу я перо, тихо лампаду гашу. Что ж не вкушает душа ожидаемых ею восторгов?» ... Это был период работы над стихотворением «Труд». 1830 год, период поисков, самоанализа Поэта, который обретал зрелость и мужество судить самого себя.

... Пойдёт год, беспокойный и во многом счастливый. Александр Сергеевич начнёт готовить стихотворение «Труд» к печати - и опустит эти две строки, они останутся только в черновиках. Что же изменилось? Может быть, поэт за этот год как-то по-другому начнёт осознавать, что «восторги поэта» и «восторги» просто живущего в обыкновенном стремлении быть довольным собой - это небо и земля? Ведь Поэт - вечный труженик, грешно ему перед Небом зачехлять перо - орудие его одухотворённого Труда!.. До последнего дыхания, вопреки всему, он не имеет права терять «способность лёгкую страдать»! И слово «лёгкую» не равно понятию «мимолётную», не волнующую душу.

«Страдать» для Поэта - значит, постигать, идти к радости, преодолевая беды и сомнения, идти без принуждения, по доброй воле!..

Так сеятель, пахарь, жнец во время **страды** вершит свой труд, собирает урожай в поте лица, но всегда в радости, если урожай удался и труд принёс **плоды** - «ожидаемые восторги»!

Страдать-сострадать! - во имя светлого итога, когда даришь радость не только себе, но и другим! Этот «другой» для того, кто **пишет**, - его читатель!

Эта черта удивительной натуры А. С. Пушкина и делает его для нас, живущих в начале XXI века, **своим**, продляет для нас его Время. Ведь и в нашей жизни «Всё чередой идёт определённой», потому что свыше определено: «Всему пора, всему свой миг!»... Главное, не проглядеть своё **время!**..

Но «своё» время может быть созвучно с временем тех, о ком мы и не подозреваем, или с эпохой многих, чьи имена войдут в историю.

Время А.С. Пушкина - это Время его друзей-декабристов, но и тех, кто вершил суд над ними. И ещё это время детей поэта, которых он не успел вывести во взрослую жизнь, насладиться своим отцовством... Но их время живёт в нашей памяти, в желании увидеть тот Свет, какой умел различать Александр Сергеевич «во мраке заточенья» своих друзей...

У великих Времён есть **эхо**... Есть отчётливый **отсвет**...

Время Пушкина

Пред ликом Пушкина горит моя лампада,
сквозной поток колеблет малый свет.
Пред ним стою и с ним держу совет,
и этот миг - желанная отрада...

Он не был совершенством во плоти
и мучился печалью нестерпимой,
его грехи отчётливы и зримы,
долги ему в бессмертии платить.

Но не хочу гасить мою лампаду,
сквозной поток колеблет малый свет...
Перебирая чётки долгих лет,
мне постоять в безмолвной службе надо...

Июнь, 1990 год

Сын России

Триптих

Часть I

Как много отпущено богом
ему в этой жизни шальной:
тропинки, просёлки, дороги
и берег, омытый волной,
и строки, гремящие ямбом
под цокот летящих коней...
Надрывная, дробная самба
последних, оплаканных дней.

И нежные женские руки -
два белых охранных крыла
в просветах отчаянной муки,
сжигавшей надежду дотла.
Серебряной ложечки холод,
вкус ягод на серых губах,
рубашки расстегнутый ворот
и отблеск свечей на кудрях...

Февраль 1997 года

Часть II

Время Пушкина - в море песчинка,
тридцать семь неразгаданных лет,
на ветру догорают лучинкой,
пляшет в сумерках трепетный свет.

... Сколько сказано, сколько пропето -
мир оглох от своих голосов!
В этом гаме вдруг отзвуком лета
соловьиная трель его слов...

И немеет насмешливый клоун,

фонограмма смолкает в тоске:
голос Пушкина, чист и взволнован, -
пульс эпохи на нежном виске.

Январь 1999 года

Часть III

В вихре вальса, в игре котильона
промелькнул девятнадцатый век -
век исканий, молений влюблённых
о блаженстве утраченных нег...

На границе ушедших столетий,
вспомнив Пушкина - чудо земли,
со слезами, как малые дети,
на гранитный престол возвели.

... Тихий, бронзовый, тёрном повитый,
среди галдящей толпы, на виду,
среди пигмеев пигмеем убитый,
смотрит Пушкин на нашу беду.

У подножья плакаты и флаги,
в мегафоны кричат и галдят
депутаты, обманщики - маги
и живой бог судилищ - Пилат...

Не сойти с пьедестала Поэту,
не укрыться в лесах и полях...
И стоит он зимою и летом -
сын России, поэт на часах.

Май 1999 года

Осень в Берново

Золотое кружево берёз,
Солнечные блики на тропинке...
Милая, привычная картинка,
Что не раз мне видеть довелось.
От чего ж не отвести мне взора?
Что ищу в аллее сонных лип?
Рассмотреть хочу знакомый лик
Да крылатку возле косогора...
Вот мелькнуло что-то вдалеке!
... Шум шагов по россыпи шуршащей...
На ветру, озябший и дрожащий,
Лист кленовый у него в руке...

Лето 2009года

«Скажи от меня Козлову, что недавно посетила
наш край одна прелесть, которая небесно
поёт его Венецианскую ночь на голос
гондольерского речитатива.
... Жаль, что он не увидит её - но пусть вообрази себе красоту и задухшевость -
по крайней мере дай бог ему её слышать.»

А. Пушкин - П. Плетнёву из Михайловского в Петербург. Июнь 1825 года

Умолим Анны Керн

Цветут сирени в буйстве многоцвета.
Ликует жизнь... Но сделай только шаг -
и кладбища печальный полумрак
погасит краски радостные лета.

Пока живём, как много в жизни надо:
признанья, слава, встречи и разлуки,
и боль души врачующие руки,
и тишина сиреневого сада...

И ей при жизни щедро мир дарил:
признаний лепет, гул проклятья,
друзей на время, нежные объятья -
и клевету невысохших чернил.

... Промчались годы, улеглись волненья,
ушла из мира, отлюбив своё.
А для бессмертья имени её
хватило одного стихотворенья...

1980-ые годы

«Из века нынешнего в век мигнувший»

Разбирала архив за 2008-ой год... Среди того, что лежало в папке под названием «Послушай: говорят поэты!», было стихотворение Василия Рысенкова, прочитанное им на презентации второй книги моих воспоминаний «Рядом и далеко». На автографе Василия Николаевича были слова: «Валентине Фёдоровне! Спасибо за нашу Прасковью Александровну, за добрую память и честное слово о ней. Думаю, что к моим словам присоединятся все мои земляки».

... Меня тронули и порадовали слова Василия Николаевича. А его земляки - это берновские жители, многие из них коренные: их предки видели Александра Сергеевича Пушкина на родной земле осенью и в начале зимы 1828-1829 годов, когда он гостил в Малинниках у Прасковьи Александровны Вульф, а осенью 1829 года - в Павловском у Павла Иванович Вульфа.

Об этом и вспоминает В. Рысенков в дарственных словах на тексте стихотворения, прочитанного для гостей встречи...

Шёпот лёгких подсыхающих крон.
Запустенье и покорность садов,
переживающих всё, и орды ворон,
и разбойничьи налёты дроздов.

Меркнет день. Мотор лепечет едва...
- Ну, куда ты едешь? Скажи!
... Только рыжими зверьками листва
по разъезженным дорогам бежит.

За холмами, за туманами Тьмы,
за Берново тишина залегла.
Нынче осень у заката взаймы
для осинника багрянец взяла.

... Здесь полгода неживой тишины,
только возгласы ночных петухов...
Но какие снились барышням сны
после пушкинских весёлых стихов!

Вечный ветер шёл сквозь сумерки лет
к дому Вульфов, чтоб уснуть за углом.
Видишь: пушкинским автографом след
самолёта над притихшим селом...

Детство и отрочество поэта В. Рысенкова прошли в деревеньке Воропуни, рядом с Берновом и Малинниками... Он учился в Берновской школе, у Тамары Прокофьевны Кочневой, недавнего директора музея А. С. Пушкина в Бернове... Как отзывчиво Время, организующее душевную переключку Поэтов!..

С того вечера, когда Василий Николаевич читал в музее Пушкина в Торжке своё стихотворение, прошло более года... И вот я держу в руках новый сборник стихотворений поэта «Четвёртое измерение», в котором нахожу и то, давнее, начинающееся словами «Шёпот лёгких подсыхающих крон...»

Эта тональность неторопливых раздумий, неожиданных сближений и противопоставлений пронизывает строки поэта... Картины времени, в котором мы живём, - «четвёртое измерение» нашего бытия и самой Души, авторского мировосприятия... Невольно приходят на память слова, почти афоризм: «память - дочь поэзии, а поэзия - дочь памяти...» Какое удивительное родство! Память - это способность человека (и человечества!) удерживать, аккумулировать то, что в прошлом было знаком Времени, может быть, даже тайных движений души, привлекательных, отзывчивых и поэтому - памятных...

Читаю стихи В. Рысенкова из нового сборника. Шестьдесят ёмких, гармоничных, искренних размышлений... Воспоминания о былом, поэтические экскурсы в историю - и сыновья грусть о том, что хранит Душа, что ещё теплится, хочет жить светло, с надеждой на земле его детства...

Я не верю в распад.
Всё вернётся назад,
Всё когда-то вернётся к истоку:
К играм, сказкам и снам,
К прежним - маленьким - нам,
К облакам, к зоревому восторгу...

Но **мы** уже выросли... И живём не в сказке, а в жестокой, неласковой правде бытия. И не только травой «забвения» зарастают непаханные поля, а реальным чертополохом, незапланированным лесом, «лесом» современной бездумной бесхозяйственности... А когда-то здесь колосилась пшеница, вызревал овёс, ждали своего часа подоспевшие лён и рожь... Уже об этом почти забыли - вспоминать некому!

Отзвук этой беды (и другой, многоликой!) в стихах В. Н. Рысенкова. Но и мысль о созидании, возрождении звучит отчётливо и светло:

Можно синюю птицу поймать у окна,
Если сердце не охладело!
Всех обмани, раздражи, весна.
Делай своё дело!

Делать дело непросто, порой трудно, но если дело - нужное, любимое, осознанное, - то выстоишь!.. А весне, может быть, и не надо быть обманщицей. Ей бы **разбудить** нас вовремя! Оживить!

Помните у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»?

Дни мчались, в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...
.....
Весна живит его.

Это об Онегине, с которым сжился Поэт, увидел в его душе отсутствие той безразличной успокоенности, которая равна уходу из жизни. Любовь **живит** его - значит, всё впереди, всё ещё возможно!

... В тот же день, когда Василий Николаевич подарил мне свой сборник «Четвёртое измерение», он передал мне и от Татьяны Мchedlishvili её новый поэтический сборник «Идут дожди».

Как у В. Рысенкова, так и Т. Мchedlishvili, есть **своя** страна - родина трепетных, дорогих чувств и волнующих размышлений. Всё главное у них вызревало в деревенской тишине и в провинциальном родном Торжке, где живут и созидают свой мир и поэты, и прозаики, и просто близкие люди, без которых нет свободного дыхания и никогда не узнаешь «четвёртого измерения». Все и всё в единой связке: и в печали, и

в радости, и обязательно в живой памяти о тех, кому верим, кого любим, с кем творим свой век:

Тоненькими нитями -
Цепи имён...
Только не рвите вы
связь времён!

Это строки Татьяны Мchedlishvili. Время, живое, творимое **поэтами**, - наш духовный Дом, озвученный Словами. Высокое назначение поэзии - помогать человеку не «выживать», а **жить** на родной земле.

Два сборника - два разговора с самим собой и с Временем, раздумья о мире живом и о другом, воображаемом, уходящем в историю или недалёкое прошлое, которое ещё не отшумело, не погасло в современной ночи «безвременья». Хотя «какой ни выдумывай сюжет, - под него не переделать жизнь уже...» Почему? Так может спросить читатель. «Не получится дворец из шалаша»... Вот таковы предсказания поэтов, очень похожие на правду. Это мужской взгляд - экскурс во вчерашний день, в то, что «было со мной и с тобой»... А вот женский, неторопливый взгляд, но такой же грустный: «Родные избы... Поле забыло, когда колосилось. Душа, словно птица в неволе, летать и петь разучилась...»

Живут два поэта в нашем родном Торжке. Всё у них - разное, своё в обыкновенной человеческой жизни. Он - преподаватель, изо дня в день вокруг него молодые лица, вопрошающие глаза. Она - сотрудник в прекрасном музее, где умеют беречь память о прошлом и с надеждой смотреть в будущее.

... Почему же порой так стремительно сгущаются сумерки в душах талантливых, зорких служителей Муз? Может быть, потому, что мир поэтов огромен, и родные деревеньки, уютные улочки древнего города - это всё знакомые тропы и дороги России, тревожащей нас, у которой есть кризис, более страшный, чем экономический, кризис духовный, мучительные болевые точки самой жизни... Поэты всегда чувствуют это первыми, их оборонительное оружие - правда и надежда, которые пульсируют в поэтической строке.

... Два сборника стихотворений - два Окна в один мир, в наш день. Загляните в них, дорогие читатели! Неспешно, с открытой душой прочитайте стихотворения Татьяны

Мчедлишвили и Василя Рысенкова. Уверена, что вы найдёте те строки, над которыми начнёте размышлять, и вам захочется запомнить их... Это лучшая награда для поэтов! Недаром слово поэт происходит от греческого «poitos», что значит «творец, созидатель»...

Братания поэтов друг с другом и со Временем - это поиск путей к читателям. «Четвёртое измерение» - нравственное пространство - помогает нам заглянуть в свои души ещё раз и в поэтические сборники поэтов-новаторов...

... Поэзия - религия моя.
Стихи - мои редчайшие иконы,
моя свобода и мои оковы,
мой светлый праздник в буднях бытия!

М. Мчедлишвили

... В ночь - парады планет
и равнение душ на звезду,
и торжественным маршем -
туманы и тени по лугу.
Вот и снова в Берново,
как птицы к родному гнезду,
прилетели поэты
и что-то читают друг другу.
Братцы! старой кассете
подарим свои голоса...

В. Рысенков

И не с той ли старой кассеты летит над тверской землёй, которая хранит пушкинские следы, слышит его поэтический голос, светлое слово Михаила Рысенкова - брата - близнеца Василя Рысенкова? Брата не только по крови, но и поэтической устремлённости:

Золотистый осенний свет
Над полями застыл навек.
Звался волостью сельсовет,
Там, где пушкинской трости след
Чуть заметен в густой траве...

.....
Я с весёлой тоской знаком:
По туману бродить с тобой

Между Старицей и Торжком,
Между Памятью и судьбой.

Верю М. Рысенкову, что «Гул поэзии не умолк»... Об этом говорит поэтический сборник, названный его строкой - «Между памятью и судьбой».

Его составили стихотворения 26 поэтов, а подготовили к печати поэты В. Рысенков, Н. Смехачёва, Л. Евдокимова, Т. Мchedlishvili и Т. Большакова. Художник Марина Пугачева сделала поэтическое, разговаривающее с читателем оформление сборника.

А администрация муниципального образования «Город Торжок» профинансировала его издание!

Воистину «Гул поэзии не умолк» в древнем городе на Тверце!

Притяжение душ поэтов всегда светло ощущается в дни Пушкинских праздников. Нынче, в 2010-ом, мы отмечаем их сорокалетие на тверской земле.

Какая радость - принимать гостей! Среди них была и наш друг - Юлия Чесакова из Самары... И мне захотелось задержать внимание читателей на стихотворном привете поэтессы, обращённом к Торжку. Это акrostих: из начальных букв стихотворных строк возникает слово «Торжок», как голубь в праздничном небе.

Тайна русской души?
Обнажённая неувязимость.
Русский маленький городок,
крылатый, как символ его;
Жить здесь - значит решить
Окунуться в источник незримый,
Каплей стать, и затем
не бояться уже ничего.